

«СИЛА МЕСТА» КАК ПРОСТРАНСТВЕННОЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВООБРАЖЕНИЯ

Григорьева Марина Анатольевна

Кандидат политических наук, шеф-редактор журнала «KANT», Издательство «Ставролит», Ставрополь
info@stavrolit.ru

«THE POWER OF PLACE» AS A SPATIAL AND CULTURAL DIMENSION OF IMAGINATION

M. Grigorieva

Summary: The study reveals the problem of the relationship between the universal (global) and the unique (local) through the cultural dimension of physical and imaginary spaces. As a result, based on the analysis of the works of Otto von Bollnow, depicting space as the perceptual basis of the relationship between man and the environment; the concept of "placelessness" of the modern inhabitant from Edward Relph and the construct of "groundlessness" proposed by Vilém Flusser; narratives of spatial behavior of modern man by Zygmunt Bauman; appeals to "unique existence" from Walter Benjamin and Jean-Luc Nancy, we can say that the value of "place" as a field of culture and a fact of habitability returns to the need to talk about it as the only condition for returning the previous conditions of existence.

Keywords: space as perceptual evolution, universal and unique, Human, digital and physical field, imagination, disappearance, safety, Benjamin, Flusser, Bauman.

Аннотация: Исследование раскрывает проблематику соотношения универсального (глобального) и уникального (локального) через культурологическое измерение физического и воображаемого пространств. В результате, на основе анализа работ Отто фон Боллноу, изображающего пространство в виде перцептивной основы отношений между человеком и средой обитания; концепции «безместности» современного обитателя от Эдварда Релфа и конструкта «беспочвенности», предложенного Вилемом Флюссером; нарративов пространственного поведения современного человека у Зигмунта Баумана; обращений к «уникальному существованию» от Вальтера Беньямина и Жан-Люка Нанси, можно сказать, что ценность «места» как поля культуры и факта обитаемости, возвращает к необходимости вести о нем речь как о единственном условии вернуть прежние условия существования.

Ключевые слова: пространство как перцептивная эволюция, универсальное и уникальное, человек, цифровое и физическое поле, воображение, исчезновение, безопасность, Беньямин, Флюссер, Бауман.

С тех пор, как пространственное поведение подтолкнуло человека в объятия кругосветных путешествий на встречу с неизведанным, но имеющим вполне конкретные очертания, предметным миром, образ пространства претерпел значительные изменения. Благодаря измерительным приборам, вооружившись которыми географы с энтузиазмом принялись ошупывать мир, и в последствии благодаря картографии, которая зафиксировала его на гладкой поверхности атласа, пространство, по крайней мере, в описаниях Вилема Флюссера [4], стало мыслимым, достигаемым и доступным. И наконец, заключительным поворотным пунктом в осмыслении пространства стала оцифровка его физической оболочки, приблизившая его к абстрактной форме наравне с вещами, которые мы привычно принимаем на веру.

В конце концов, усилий воображения к тому, чтобы воссоздать мир по представлениям, требуется всё меньше, когда гладь экрана «делает» мир по-настоящему «плоским» – подразумевая, но не обнажая его глубины. Воображение начинает облекать пространство в бесплотную материю, за которой локальное «место» оказывается сильно скомпрометированным со стороны виртуализированного поля бесконечного *ни здесь*,

но *повсюду*, и теряет, в конце концов, свою защитную функцию убежища. Под властью анонимных сил глобализации, не умеющей найти пределы своего роста в направлении тотального господства, ценность «места» как фиксированной точки в более или менее стационарном существовании человека, с этого момента окончательно подорвана и вынуждает вести о нем непрерывные дебаты в надежде вернуть его прежнее состояние.

И обращаясь к прежнему состоянию, можно обнаружить, что пространство, которому недостаточно самого себя, раскрывается непосредственно через опыт прикосновения, то есть через взаимодействие человека и среды обитания. В связи с чем, Отто фон Боллноу представляет нам пространство как перцептивную эволюцию, или отношения, которые формируются между человеком и средой обитания. «Факт обитаемости» [8, с. 120], определяемый им через институцию дома, которая конструирует пространственность через исходную точку и постоянное возвращение к ней, подчеркивает защитные и дифференцированные качества пространства. Дом или жилище составляют важнейший центр повседневной жизни человека и противопоставляются беспоконному и *анонимному* внешнему миру. Резюмируя свои собственные выводы, Боллноу утверждает, что обитание

предполагает необходимость где-то пустить корни. Жить означает быть дома и, таким образом, быть защищенным в этом конкретном месте. Этому противостоит страх оказаться на улице, что вызывает чувство покинутости. Сам этот страх противостоит институту дома, который обеспечивает защиту, но до сих пор не был абсолютным.

Глобальные или космические концепции пространства как дикие плоды поздних событий западной истории начинают назревать в XIV веке в эпоху великих географических открытий, чтобы усыпать собой весь «земной сад» в течение всей современной истории открытий и наук. В наибольшей степени эта проблема актуализируется сегодня, толкая его обитателей в объятия «безместности», о которой впервые упоминает в своей работе Эдвард Релф, [13] и «беспочвенности» [10, с. 9], развернутой Вилемом Флюссером, когда он предлагает взглянуть на вазу с цветами, принесенными из сада и помещенными в незнакомое для них пространство для того, чтобы исследовать динамику власти в том, как [мы] видим мир. И несмотря на то, что все их последующие устремления будут направлены на вынужденное приспособление к новым условиям в надежде вновь пустить корни, вернуться в сад им уже не удастся, как и обрести почву и занять прежнее место в мире. История с садом и цветами для завтрака была положена Флюссером в основу автобиографии, согласно которой ему пришлось сменить родную Прагу сначала на Лондон, затем на Сан-Паулу и юг Франции, чтобы по возвращении в оставленную Прагу закончить жизнь случайной автокатастрофой. Тем не менее, возвращение домой было важным и знаменательным событием в его жизни, как и для цветов, мечтающих вновь оказаться в безопасности взрастившего их сада.

Как и Флюссер, Эдвард Релф в своем обращении к «месту» и «безместности» хватается за отсутствие корней в современном обществе в сочетании с однофункциональным использованием пространства (например, специализированные места для работы, еды и отдыха), которое лишает жизнь какой-либо очевидной цели. Отсутствие глубокой привязанности к определенному месту, по идее Релфа, заставляет нас коротать свои часы в ловушке поверхностных отношений с тем, что нас *поневоле* окружает, страдая при этом хронической тоской по тому, что нас удерживало бы на месте. Эту неумную тоску он определяет как ностальгию по естественной среде обитания, симптоматично проявляющуюся в дизайне жилья, где таунхаусы должны удовлетворять тоску горожанина по прошлому единению с открытыми пространствами. Но в конечном счете, такие устройства лишь усиливают особую форму отчуждения – «безместность».

Это означает, что гегемонистский космополитический нарратив, прославляющий мобильную самость, гостеприимную к незнакомцу, не выдерживает критики со

стороны условий норм человеческого существования. Истоки человека и мира, в конечном счете, по-прежнему лежат в местной среде несмотря на то, что современный человек, как заверяет Зигмунт Бауман, «не может стоять на месте» [6, с. 138]. Таким образом, изучение архаичных колоний и внимательное исследование поселений обращено к реконструкции новой культурной антропологии, которая сосредоточена в пространственной глубине «места» с ее раскрывающейся включенностью. Исходя из того, что человек – существо, которому всегда необходимо обрести онтологическую устойчивость, находить логику и *смысл* во всем происходящем, он обречен блуждать в поиске опоры – семантической, языковой, культурной и социальной.

При этом быть частью места и социальной модальности предполагает воображаемое родство незнакомцев, чья повседневная жизнь проистекает параллельно и обнаруживает себя только через соприкосновение и распознавание, узнавание близости. Стремление окружить себя предметами, сделать их ближе, владеть ими безраздельно раскрывает механизм, по которому работает распознавание среды: в доме это шкаф, письменный стол с принадлежностями, полка для книг и диван, за окном виднеется сад, уходящая вправо от него улица, ведущая к школе, а за нею – река и мост. Всё то, что знакомо с детства и дарит прочные ориентиры, в то время как «человек без страны» [9, с. 26], в определении Эрика Дарделя, «дезориентирован» и колеблется во всех смыслах, в том числе относительно направления, в котором следует двигаться.

«Впечатляющую пустыню» Зигмунт Бауман начинает с того, что движет человеком в его пространственном поведении, когда «по узкому гребню между исчезающим «сейчас» и никогда почти не появляющимся «еще не»» [6, с. 138] человек вынужден искать способы удержаться над пропастью, в конце концов, он не может стоять на месте, потому что ему *негде* стоять. Это то, что заставляет его перемещаться, покидать свой дом, прощаться с привычным образом жизни, оставлять близких в обмен на компанию незнакомцев и «анонимных камней, зданий, возвышающихся во славе своей анонимности» [6, с. 140] и бесприютности, среди которых он прогуливается, поскольку ни камни, ни цемент, связывающий их в здания, не «отсюда», так же как, вероятно, и он сам. Таким образом, он растворяется в настоящем, утрачивая связь с прошлым и всяким смыслом существования. На маршрутах неизведанных им улиц нет ничего, кроме отпечатков шагов, уводящих его дальше от «места», с которым он связан изначально. В итоге все эти проделанные маршруты и передвижения дают ему осознание, что он не имеет понятия, где оказался в погоне за ускользающим смыслом, поскольку сам смысл исчерпан и мутировал до полной неопределенности.

Чтобы как-то определиться с тем, куда направиться, если полная остановка уже невозможна, Жан-Люк Нанси предлагает два способа мышления о движении: как о том, что оторвано от процесса, где каждый момент заранее отмечен в бесконечности своего движения, или как о том, что оторвано от своего значения, которое может быть только фиктивным и идеологическим. В конечном счете, движение, как история, как развитие – «территория неизбежного искончания» [12, с. 144]. И ее смысл приходит только, когда всё уже завершилось. *Оторванный от своего происхождения* смысл не выдерживает темпа, теряясь в анонимных операциях языка, где каждый раз он рождается заново в пространстве ускользающих цифровых символов, «в молчании невысказанных ценностей» [3, с. 254]. При этом технологии, которые в отличие от нас, хорошо знают, что хотят сказать, благодаря сложно устроенному инкубатору коммуникативных связей – цифровых сетей, успешно колонизирующих социальные отношения, социальную активность и человеческое поведение.

Пространство и место, приглашающие к перемещениям, создающие условия для возможности перемещаться, обращены к области воображения мерцающей точкой на горизонте физического пространства, а затем на плоской поверхности экрана. Безудержное распространение образов в социальном пространстве не только создает визуальную какофонию, подавляет и дезориентирует человека, но и мешает представить себе что-то другое. Воображение в этом контексте работает как репродуктор, который множит ссылки, коды и репликации. [2] Дискуссия должна начинаться с понимания перехода от текстового дискурса к изобразительному. В самих средствах публичного дискурса есть свойства, влияющие на образ мышления человека и закупоривающие его способность к воображению. Этот мир изображений помещает всю реальность в повторяющиеся, лишённые контекста, но визуально воздействующие контейнеры для передачи, ставящие под тотальный контроль визуальное и акустическое измерение культурного повествования.

Одним из важных элементов постмодернистского воображения, ориентированного на образы, является то, что новые медиа деконтекстуализируют наблюдаемые объекты. Результаты этого процесса включают устранение различий между реальным и репрезентативным, а также между изображением и оригиналом, оригиналом и репликацией. Подробное исследование этого процесса взято из широко обсуждаемой работы Вальтера Беньямина «Произведение искусства в эпоху механического воспроизводства» [7]. Бенджамин рассуждает о важности оригинального исторического и географического контекста произведения искусства и о том, как при массовом воспроизведении произведение теряет свою ауру, аутентичность и историческое свидетельство. Не только искусство становится репродуктором информа-

ции и форматируется для этой передачи, но и повседневная жизнь как *то*, что простирается перед нами и создает отпечатки времени.

Сознание массового производства создает среду, в которой доминирует плюрализм, и заменяет ощущение «уникального существования» [7, с. 3] в том месте, где находится та или иная вещь, ее присутствия в пространстве и времени. Эти процессы продолжают усиливаться в современной культуре, поскольку воздействие репликаций увеличивается с повсеместным присутствием Интернета, телевидения и кино. Аура объекта ветшает, истончается и выветривается. Подлинность или оригинальность, очевидно, исчезает при воспроизведении, что уменьшает исторические свидетельства и, в свою очередь, делает их не считаваемыми. Медиа действует как блендер, который делает ингредиенты исторических мифов и образов текучими, чтобы они могли двигаться через соломинку развлекательных технологий к потребителю уже в готовом и смешанном виде. Беньямин отмечает, что преходящее и воспроизводимое заменяет постоянное и уникальное до такой степени, что «чувство всеобщего равенства вещей» подавляет восприятие их уникальности, точно так же как и стремление «сблизить» вещи в пространстве, рождающееся из непреодолимой жажды «завладеть предметом с очень близкого расстояния» [7, с. 5] путем его подobia, его воспроизведения.

Образ и симулякры вытесняют реальность, а потребность в воображении или критическое мышление угасают под давлением монокультуры, которая, очевидно, признает, что продуктивное воображение слишком великолепно и слишком безгранично для ограниченного природой своего происхождения человека. Тем временем воображение беспокойно пытается нащупать свое искончание, чтобы отодвинуть этот болезненный и неизбежный момент. Ограничение и исход, переживаемые воображением, возникают не из-за необходимости работать с конечным набором образов, а из-за того, что мы принимаем слишком конечный набор безапелляционно. Принятие предлагаемого набора образов создает, в конце концов, замкнутый цикл коллективного воображения, где «культура грезит одной и той же мечтой» [11, с. 57].

Со сдвигом в области искусственного интеллекта, нацеленного, как считает Раймонд Барглю, [5, с. 17] на колонизацию нашего воображения, ценность физического пространства и уникальности «места» снижается, пока мигающая точка на экране продолжает удерживать наше внимание. В конце концов, целыми днями на работе, не отводя взгляда, мы пристально заглядываем в глаза своему высокотехнологичному противнику и дрожим. Парадигмой социального совершенства или, по крайней мере, производительности является именно [он]. Чтобы иметь хотя бы небольшой шанс получить преимущество

перед ним в этой гонке, мы должны быть достаточно запрограммированными и механизированными, такими же безупречными и неодоушевленными, служить целям своих компаний и своих рабочих мест. Таким образом, культура – наш основной тренажер в этой гонке, в то время как наш экран, то есть наш противник, отдыхает в спящем режиме: мечтает ли [он] об электрических овцах или запрограммированных на кладку яиц курах, в момент, когда сканирует наш ментальный ландшафт.

Таким образом, пространство, раскрывающееся через взаимодействие человека и среды обитания, как социальное и, наконец, цифровое поле, актуализирует феноменологическое раскрытие локального «места», и сопутствующие ей аспекты миграционных и экономических потоков, а также движения товаров и информации, включая образы пространства в единое поле человеческой жизнедеятельности. Управление культурой через медиаобразы на экране – это, по сути, управление

воображением, тонко чувствующим и реагирующим на растущую угрозу технологий, собственную культурную зависимость и грядущий исход. По определению Жан-Люка Нанси, чтобы «быть в единственном числе во множественном числе» [12], мир должен совершить свой поворот от глобализующей и тотальной универсальности, обрушивающейся на неоднородность, обратно в сторону гетерогенной уникальности – «места», пространства, культуры, языка во всем их разнообразии. Все те немислимые вещи, которые способствовали установлению границ, считавшихся стабильными и непроходимыми, уступили место под двойным давлением – сверху (глобализации) и снизу (биоразнообразию). И теперь, согласно идее Нанси, должны быть восстановлены, соответственно «логике производства здравого смысла» [1], вместе с ценностью первозданной вещи, культурой обращения с ней, историей появления и историей соприкосновения с миром. По крайней мере, мы должны пробудить к этому наше угасающее воображение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / пер. Н.В. Суслова. - Екатеринбург, 2000. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/BODRIJAR/silent.txt> (дата обращения: 15.02.2023).
2. Григорьева М.А. Проблематика копирования и понимание современного искусства в условиях техногенного развития общества: «в мире множественного числа» // KANT. - 2020. - №1(34). - С. 137-143. EDN: IIQPEM.
3. Григорьева М.А. Расщепление коммуникативного поля на шум и молчание: трудности диалога и разобщение // KANT. - 2020. - №4(37). - С. 253-260. EDN: ASCPWC.
4. Флюссер В. Мой Атлас / пер. с англ. М.А. Григорьевой // KANT: Social science & Humanities. – 2023. – №3(15). – С. 4-9. EDN: BOTCVZ. DOI: 10.24923/2305-8757.2023-16.1
5. Barglow R. The crisis of self in the age of information. – London: Routledge, 1994. - 227 p.
6. Bauman Z. Desert spectacular // The Flaneur (RLE Social Theory) / ed. by Keith Tester. - Routledge, 2014. 216 p. - Pp. 138-157.
7. Benjamin W. The work of art in the age of mechanical reproduction // In: Illuminations / ed. by Hannah Arendt, trans. by Harry Zohn, from the 1935 essay. - New York: Schocken Books, 1969. - 26 p.
8. Bollnow O.F. Human space / translated by Christine Shuttleworth, edited by Joseph Kohlmaier. - London: Hyphen Press, 2011. - 158 p.
9. Dardel E. Man and the Earth: the nature of geographical reality [L'Homme et la Terre: Nature de la Réalité Géographique] (published by Presses Universitaires de France in 1952, trans. by Edward Relph in 1973 with revisions in 2022). - 30 p.
10. Flusser V. Einleitung // Wohnung beziehen in der Heimatlosigkeit (Heimat und Heimatlosigkeit – Wohnung und Gewohnheit) // Bodenlos: eine philosophische Autobiographie / Vilem Flusser. Mit einem Nachw. von Milton Vargas und editorischen Notizen von Edith Flusser und Stefan Bollmann. - 1. Aufl., 1. 3. Tsd. Diisseldorf; Bensheim: Bollmann, 1992. (Bollmann Bibliothek; Bd. 10). - 320 p.
11. Lasn K. The cult you're in // In book: Culture jam: the uncooling of America / Kalle Lasn. – 1st ed. - New York: Quill, 2000. - 260 p. - Pp. 51-58.
12. Nancy J.-L. Être singulier pluriel. Éditions Galilée, 1996. - 224 p.
13. Relph E. Place and Placelessness. - London: Pion, 1976. - 156 p.

© Григорьева Марина Анатольевна (info@stavrolit.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»